

МАРГАРИТА КОРОВИНА

САНТА-МАТРЕШКИНО

ИЛИ

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН ПО-РУССКИ

Маргарита Коровина

**Санта-Матрешкино, или
Любовный роман по-русски**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Коровина М.

Санта-Матрешкино, или Любовный роман по-русски /
М. Коровина — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

В маленьком поселке в пригороде большого города жила-поживала Маргарита Алексеевна. Тридцать шесть лет жила, читала книжки, копалась в огороде. Жизнь ее текла как спокойная река. Пока – как снег на голову – не свалилась на нее сводная сестра Любочка, обладавшая выдающейся красотой и талантом сводить всех с ума и ставить все с ног на голову. И в Матрешкино тут же стали происходить совершенно непонятные для Маргариты события. Соседки устраивали феерические скандалы, в любое время дня и ночи заявлялись незваные гости – милиционеры, бандиты, уроженцы южных республик и втравливали героиню в опасные приключения. Жизнь стала похожа на взбесившуюся карусель... или на ночной кошмар... Далеко не сразу до Маргариты Алексеевны дошло, что виновницей всех катаклизмов является Любовь.

© Коровина М.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1. Начало	5
Глава 2. Володя + Наташа	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Маргарита Коровина Санта-Матрешкино, или Любовный роман по-русски

Глава 1. Начало

Честно скажу, мне даже в голову не приходило, что я вдруг возьмусь за сочинение романа. Хотя на то, что подразумевают под этим словом литературоведы, моя писанина не тянет – не хватает масштабности, многоплановости, да и герои все, как на подбор, сплошные оболтусы. Но, с другой стороны, отношения между мужчинами и женщинами тоже так называют, а именно о них я собираюсь писать. Поэтому пусть будет роман, и точка...

...Большинство современных книг начинается именно с подобного предисловия, и я, не имея никакого опыта в бумагомарательстве, решила следовать по колее, проложенной известными авторами. Дурной пример, как известно, заразителен. Тем более, что, прожив тихо и спокойно тридцать с лишним лет, я и не собиралась ничего писать. У меня было другое увлечение, сводившее с ума моих родных и близких.

Едва научившись читать (в весьма раннем детстве), я стала запойной чтицей, и все свободное время (впрочем, и не свободное тоже) тратила на чтение книг. Конечно, правильнее будет сказать читательницей, но чтица мне нравится больше – похоже на птицу. А пернатые с раннего детства в моей голове прочно ассоциируются со свободой. Так и вижу, летит себе это крылатое чудо, такое беспечное и прекрасное в небесах, вызывая у меня пароксизмы зависти... Я тоже чувствовала, что лечу, когда брала в руки книжку. Романы, приключения, фантастика, жизнеописания великих – мне было абсолютно все равно, что, где и когда читать. Я проезжала свои остановки, забывала поесть, меня выгоняли с уроков, молодые люди расставались со мной после второй-третьей встречи, причина была одна – очередной толстый и до умопомрачения интересный том.

Однажды, еще учась в младшей школе, я принесла из библиотеки какую-то книжку – ее названия и автора я уже не помню. Мой мозг вообще не воспринимал такие мелочи. Главным было содержимое. Головокружительные повороты сюжета, переживания героев, описания места действия – все это настолько захватывало меня, что я не видела и не слышала ничего вокруг...

И в тот день я – как обычно – открыла книгу, едва войдя в квартиру. И, естественно, тут же провалилась в черную дыру ее сюжета. Из беспамятства меня вывел крик, по децибелам не уступающий реву самолетного двигателя. Рядом со мной стояла моя спокойная интеллигентная мама и орала не своим голосом, беспорядочно взмахивая руками. Не понимая, что происходит, я огляделась. В квартире явно чего-то не хватало... Да, точно – нет новенького, последней модели телевизора, стоявшего в гостиной прямо напротив дверей. И магнитофона нет, который был рядом с телевизором... Потом выяснилось что нет и фамильного серебра, и маминых, тоже фамильных, драгоценностей. Пропали деньги, хрусталь, папина импортная бритва, коллекция редких марок – гордость моего старшего брата. В общем, воры вынесли все мало-мальски ценное. А я в это время читала, сидя на неудобной тумбе для обуви у самых дверей.

Авторы книжного волшебства казались мне избранниками богов, если не самими богами. Я с трепетом разглядывала их портреты на первых страницах, а, если книги были библиотечными, по-варварски выдирала фотографии и вешала их у изголовья кровати. События моей жизни проходили мимо меня, не затрагивая воображения и не запоминаясь. Я как-то закон-

чила школу, потом институт, пошла работать, вышла замуж, развелась, разменяла бабушкину квартиру на две комнаты в коммуналке. Тут началась перестройка, я поняла, что получить отдельное жилье шансов у меня нет, и выменяла свою комнатку на крохотный домик в пригороде. К нему прилагался садик в пять соток, и я чувствовала себя Ирэн Форсайт и мисс Марпл одновременно. Жизнь вяло текла в нашем Матрешкине. Старики умирали, их домишки либо продавались наследниками на дрова, либо ветшали и рушились. А потом, видимо, из-за уникального сочетания близости к городу и нетронутой природы, наша деревушка стала очень модным местом, и всего за каких-то за полтора года участки вокруг оказались заселенными. Моими соседями теперь стали бизнесмены, депутаты, бандиты, выходцы с Кавказа и просто коренные матрешкиницы, вспомнившие о своем наследстве.

И вдруг... Вообще, я ужасно не люблю это пресловутое «вдруг». В моем понимании жизнь должна течь, как равнинная река. Плавно, спокойно, без резких поворотов и, тем более, без водопадов и порогов. Все должно быть заранее известно. С моими друзьями и поклонниками я договариваюсь о встрече по крайней мере за неделю. Посещения театра, выезды на пикник или лыжные походы должны быть согласованы со мной за две, а лучше за три недели. Возможно, в век нынешних стремительных перемен, это несколько старомодно, но такой уж у меня характер. И менять его я пока не собираюсь.

В общем – хотя это и было против моих желаний – сводная сестрица свалилась на меня именно вдруг. Дело в том, что наши с братом Владиславом родители развелись несколько лет назад. Я не особенно переживала, потому что читала тогда об очередном запутанном деле в практике Ниро Вульфа и была по уши погружена в увлекательный сюжет. К тому же разводились предки мирно, без ссор и битья посуды. Потом оба – и мама, и папа – быстренько нашли себе новых супругов, и в результате я получила парочку сводных братьев и сводную сестрицу. Костя и Сергей были детьми нового мужа моей мамы, а Любочка дочерью новой жены папы. Мы приняли друг друга спокойно и интеллигентно, без ненужных трагедий и ссор. Встречались на семейных торжествах, проводили вместе выходные, ходили в кино и театры. Называли друг друга по именам, но на «вы». Хотя к Любочке, которая была младше меня и мальчиков на десять лет, с высоты своих тридцати с хвостиком мы обращались на «ты», а она к нам на «вы» и по имени отчеству. Мы, определенно, казались ей ужасно старыми и скучными.

И вот, в одно прекрасное майское воскресенье, Любочка появилась у меня в доме с огромной спортивной сумкой в руках и жалобно попросила:

– Маргарита Алексеевна, можно я у вас поживу?

Было раннее утро. Солнце сияло на ярко-голубом весеннем небе, слепило глаза из каждой непросохшей лужицы в моем садике и к тому же грело совсем по-летнему. Воробьи истошно орали в голых еще кустах сирени. Пчелы, шмели и всех цветов радуги мухи радостно жужжали вокруг меня. Я сидела на заднем крыльце и с почти сладострастным предвкушением размышляла о предстоящих копательно-посадочных работах. Переехав в Матрешкино, я стала настоящим деревенским жителем, полюбила вставать вместе с солнышком, ковыряться в земле, пилить дрова и всякие прочие деревенские работы. Поэтому настроение в то утро у меня было радостным почти до идиотизма. Потому, что иначе как идиотизмом свой последующий поступок назвать я не могу. Если б я тогда знала, какой форс-мажор впускаю к себе в дом...

Увидев сестрицу, стоящую у забора с огромным баулом, в который легко поместилась бы она сама, юную, беззащитную и несчастную, я почувствовала такой прилив человеколюбия, что гостеприимно развела руками и ответила:

– Мой дом – твой дом. Живи сколько хочешь.

Любочка, видимо, не ожидавшая такого ответа (я в ее представлении была пожилой занудой, не способной на широкие жесты), поэтому несколько секунд оторопело смотрела на меня, а потом подпрыгнула, как жеребенок-стригунок, и закричала на все еще мирно спящее Матрешкино:

– Маргарита Алексеевна, вы просто чудо, я вас люблю. Нет, я вас обожаю. Я вам помогать буду по хозяйству. Полы мыть, обед готовить, огурцы солить и все такое. Я умею, меня Алексей Дмитриевич научил.

Алексей Дмитриевич – это мой папа. Он действительно очень хозяйственный мужчина. Мама у меня искусствовед, человек творческий и очень увлекающийся. К своей работе относилась и относится с юношеским энтузиазмом. Поэтому мы – папа, мой старший брат и я – частенько оставались без завтрака, обеда и ужина, с нестиранными и неглаженными рубашками и платьями, на которых к тому же не хватало пуговиц. О сантиметровом слое пыли на мебели и невытой посуде я уже не говорю. Несколько лет папа стойчески все это терпел, видимо, ожидая, когда в жене проснется женская домовитость. Потом ему ждать надоело, и он взял все хозяйство в свои руки. Спокойно, без истерик и показного самопожертвования. Соседи по дому жалели папу и осуждали маму. Ему было все равно. Когда родители развелись, домовые сплетницы утверждали, что этого следовало ожидать при такой-то жене. Представьте себе их удивление, когда выяснилось, что Елена Николаевна, новая папина жена, точно так же, как мама, не умеет и не любит готовить, стирать, гладить и убирать в доме. Соседи посудачили немного, пришли к выводу, что человеку свойственно наступать на одни и те же грабли, а потом привыкли и уже не обращали внимания, когда папа таскал из магазина продукты, выносил мусор и чистил во дворе ковры.

Любочка приняла отчима с восторгом. И я ее понимаю. После многих лет вокзального быта (а Елена Николаевна, действительно, была копией моей мамочки и хозяйство ее было в том же состоянии, что и мамулино) получать ежедневно полноценное питание, всегда иметь в запасе чистую и выглаженную одежду, спать на белоснежных простынях... Папа и Елена Николаевна поженились когда Любочке было лет пятнадцать – возраст вполне достаточный, чтобы освоить все домашние премудрости. Девочка как губка впитывала в себя новые знания и навыки и вскоре сравнялась по мастерству с учителем.

Признаюсь, я очень обрадовалась Любочкиному предложению помочь мне в домашних делах. Как известно, яблочко от яблони недалеко падает, и я получилась достойной дочкой своей матери. Кастрюли, утюг и метлу ненавижу по-детски искренне.

В моей голове тут же нарисовалась радужная картина: я копаюсь в саду, а Любочка колдует над плитой, мечется по дому с ленивкой и потеет над утюгом. Уж сколько раз твердили миру, что благими намерениями вымощена дорога в ад! Я даже представить себе не могла, что моя сестрица с ее практически ангельской внешностью, может оказаться самым настоящим посланником преисподней.

Вообще, я считаю, что некрасивых женщин нет. В каждой есть – как говорят французы – какая-то собака. Эти милые странные французы... Французско-русский словарь утверждает, что *avoir du chien* – это быть с «изюминкой» (то есть иметь нечто чертовски привлекательное для противоположного пола). Почему что-то особенное, необъяснимое в женщине мсье приравнивали к собаке (зверю, конечно, замечательному, но попробуйте русскую даму сравнить с псом...) мой разум понять пока не может. Но, надеюсь, прожитые годы и благоприобретенный опыт все же помогут мне когда-либо решить эту загадку.

Надо признать, что в Любочке этих самых собак скрыто бесчисленное количество. Росту в ней всего метр шестьдесят, осиная талия, худенькая спинка, крошечная – на тридцать четвертый размер – ножка, и к этой дюймовочке прилагается бюст третьего номера... Мужской пол реагирует предсказуемо одинаково. Но это еще не все. Копна темных блестящих волос, тонкая нежная кожа, которая летом покрывается светящимся золотистым загаром, красивой формы губы (как писали классики – созданные для поцелуев) и в довершение всего огромные зеленые глаза. Просто два золотисто-зеленых фонаря в рамке длинных густых ресниц. Настоящее чудо. Еще когда Любочка была девчонкой, один папин знакомый выдал приговор: «Мужское

кладбище». И он был абсолютно прав. Сколько мальчишеских, юношеских и мужских сердец разбило это небесное создание, ведомо только Господу Богу!

Устраивая ее в комнате в мезонине, я абсолютно не задумывалась о том, что пускать в дом такую звезду просто опасно. А ведь мне уже давно было известно (кумушки-бабульки на скамейке не преминули доложить), что приложением к ее красоте (и с моей точки зрения совершенно лишним приложением) всегда была просто непостижимая способность притягивать всякие экстремальные ситуации. Любочка постоянно во что-либо влипала. Если она шла в поход с одноклассниками, то обязательно куда-либо проваливалась – либо в какую-нибудь яму поглубже, либо в грязное, вонючее болото. На юге вокруг нее как мухи клубились горячие южные парни, так и норовившие ее украсть. А сколько раз она тонула на яхте? Я бы на месте капитана уже давно перестала бы ее приглашать. Но сердце морского волка было давно и безнадежно разбито, и каждый год его лодка то садилась на мель, то попадала в страшный шторм, то пробивала днище какой-нибудь гадостью, внезапно вылезшей из морских глубин...

Да, но с моим-то сердцем все было в порядке! И все же я впустила ее в свой дом, отдала ей лучшую гостевую комнату и даже помогла разобрать вещи!

Закончив обустройство, в самом радужном настроении мы уселись пить чай с пряниками. Я открыла окно, и в кухне запахло весенним утром – мокрой землей, первыми травинками и солнцем. Бабочка-крапивница уселась на стоявшую на подоконнике фиалку и замерла, раскрыв пятнистые крылышки. Любочка разомлела от моей доброты, крепкого чая и пряников с брусничной начинкой и ее потянуло на откровенность.

– Мамуля выгнала меня из дому, – заявила она, с вопросом и ожиданием глядя мне в глаза.

С ужимками профессиональной сплетницы я ахнула:

– Не может быть. Елена Николаевна такая милая, спокойная женщина. Какая муха ее укусила? Поверить не могу. Может, это папа виноват?

Оговаривать собственного отца как-то не очень красиво. Тем более что я знаю – Любочку он любит так же, как нас с Владом. Но очень уж хотелось знать, почему Елена Николаевна решилась на такой экстравагантный поступок. Впрочем, Любочку не надо было подстегивать. Обида и возмущение бурлили в ней, как вода в стоявшем на столе самоваре.

– Что вы такое говорите, Маргарита Алексеевна! Ваш отец – просто ангел, а не мужчина. Он наоборот заступался за меня. Но в мамулю словно бес вселился. Велела мне собирать вещи и уматывать. Представляете, она так и сказала: «Уматывай». Сериалов насмотрелась, наверно.

Да, это было неожиданно. Чтобы Елена Николаевна выражалась подобными жаргонными словечками, должно было произойти что-то абсолютно неординарное. Любопытство мое начало закипать, как упомянутый уже самовар.

– Любочка, позволь тебе не верить. Конечно, я знаю твою маму всего несколько лет...

– Именно так все и было. Слушайте. Вчера вечером я встречалась с Пашкой Петровым – это мой коллега по работе. Мы посидели немного в ресторане, потом мне стало скучно, и я пошла домой. Пашке расставаться не хотелось, он, видимо, рассчитывал не только на вечер... Понимаете, Маргарита Алексеевна, я ведь уже не ребенок...

Конечно, не ребенок – двадцать два года детством никак не назовешь. Любочкино смущение было весьма забавно. Она явно считала меня строгой пожилой матроной, забывшей все женские радости.

– Пашка, конечно, красавчик, и все девчонки на работе по нему сохнут, но он ужасный зануда. Сходить с ним в ресторан, это еще терпимо, но... В общем, я пришла домой около часу и сразу улеглась спать. Примерно через час зазвонил телефон. Это был Пашка. Причем здорово поддатый. Я не стала с ним долго беседовать и повесила трубку. Через полчаса он снова позвонил и заявил, что безумно любит меня и хочет на мне жениться. Он был еще косее прежнего. Я снова повесила трубку. Понимаете, Маргарита Алексеевна, я ужасно не люблю

базарить с пьяными парнями. Они говорят одни гадости, а потом заявляют, что ничего такого не было, у меня большое воображение, и я все выдумываю...

Все может быть. У меня такого опыта не было. Ни мой папа, ни мой бывший муж пьяными домой не приходили и не звонили. Даже когда мы с Толей разводились, он вел себя очень корректно и вежливо. Ну, не получилась семейная жизнь, что же теперь из-за этого жизнь друг другу портить?

А сестрица продолжала:

– В общем, я повесила трубку. Он снова позвонил. Я отключила телефон. Пусть, думаю, теперь звонит до позеленения. А он... Нет, Маргарита Алексеевна, попробуйте догадаться, что он отмочил. В жизни не додумается.

Конечно, не додумаюсь. Хотя, если поднапрячь воображение... Что там делали отвергнутые поклонники в моих любимых романах?

– Он застрелился? – кровожадно предположила я.

Любочка посмотрела на меня с укором:

– Маргарита Алексеевна, мы живем в двадцать первом веке. Сейчас от любви никто не стреляется. К тому же, откуда у него пистолет, он ведь всего-навсего рекламный менеджер. Хотя... Лучше бы он застрелился.

Любочка замолчала, глядя куда-то в пространство. По ее лицу было видно, что она представляет себе, какой оборот приняли бы события, если бы Пашка Петров совершил столь несовременный поступок.

Я ждала. Через минуту Любочкино воображение закончило работу, она томно вздохнула и продолжила свой рассказ.

– Нет, Маргарита Алексеевна, все было гораздо хуже. Он приперся к нам домой. В три часа ночи. Дверь открыл Алексей Дмитриевич, – десятисекундная пауза, после чего голос Любочки стал на пару тонов выше и задрожал – Что тут началось! Вы просто представить себе не можете...

И Любочка сделала эффектную паузу – в стиле Джулии Ламберт. Ее глаза, и без того огромные, стали размером с блюдечко.

Что такого мог сделать мой тишайший папочка? Я представила: три часа ночи, папа в любимой пижаме с зайчиками открывает дверь, перед ним пьяный молодой человек, который настойчиво требует встречи с дочерью... В крайнем случае папа вежливо попросил бы нахала удалиться. Ничего другого на ум не приходило. Тем временем Любочка решила, что молчала достаточно долго и выдала трагическим шепотом:

– Представляете, Маргарита Алексеевна, он его ударил...

Папочка кого-то ударил? Я замерла. Рот непроизвольно открылся, недоеденный кусок пряника упал на пол...

– Папа?! – я едва смогла выдавить из себя единственное слово.

Любочка посмотрела на меня весьма выразительным взглядом и тоном воспитательницы из яслей для умственно отсталых детей пояснила:

– Маргарита Алексеевна, вы меня неправильно поняли. Не Алексей Дмитриевич ударил Пашку, а Пашка ударил Алексея Дмитриевича. Этот идиот (я имею в виду Пашку) подумал, что Алексей Дмитриевич мой папик, ну, и решил с ним расправиться тем, что попалось под руку. Большим таким букетом красных роз. Пашечка ведь шел предложение делать...

Любочка помолчала, видимо, давая мне время понять, что к чему, и добавила совсем другим тоном, почти со слезами:

– Бедный Алексей Дмитриевич.

Несмотря на трагичность ситуации, мне было приятно, душу заполнила законная гордость за родителя. Не только я, кровная дочь, люблю его, но и эта, по сути, чужая девочка. Все правильно, кто же тогда достоин любви, если не мой папочка?

Но кое-что было непонятно. Не откладывая дела в долгий ящик, я решила все прояснить.

– Любочка, а разве теперь отцам нельзя показываться на глаза поклонникам дочери? Я не понимаю...

Любочка посмотрела на меня с недоумением, потом с изумлением, а потом, пряча глаза, чтобы я не заметила в них смех, стала пояснять:

– Папик – это не отец, а ...ну как вам объяснить...ухажер, любовник. В общем, пожилой мужчина, который содержит девушку, платит за нее везде, покупает ей дорогие шмотки и все такое.

Боже, как я отстала от жизни! Похоже, в Любочкином отношении ко мне есть доля истины. Это был неприятный удар. Я всегда считала себя вполне современной дамой, может быть, немного излишне романтической... Но должна же и во мне быть какая-то собака! Я даже встала и подошла к зеркалу. Морщин и седины пока не видно. (Не зря я трачу деньги на косметический салон.) Но ведь дело не в них, а в совершенном незнании современных реалий. И когда я успела настолько отстать от жизни! Так можно сесть в лужу в самый ответственный момент, а выглядеть идиоткой (тем более перед каким-нибудь молодым и привлекательным мужчиной) я не люблю. Пожалуй, стоит немного поучиться у Любочки.

Она тем временем уже навеселилась вволю над моей неосведомленностью и продолжила:

– Алексей Дмитриевич молодец, не растерялся, выхватил у придурка букет, заломил ему руку за спину и потащил в ванную. А Пашка...Нет вы представляете, этот поганец пытался вырваться, кусался и орал на весь дом. Нецензурными словами...А когда Алексей Дмитриевич засунул его голову под холодную воду, Пашка взвыл похлеще пожарной сирены...И тут из комнаты вышла мамуля.

Любочка опять замолчала. Обида на Елену Николаевну вспыхнула в сестрице с новой силой. Я с интересом смотрела, как в ней борются хорошее воспитание и злость. Сестричкино лицо было как открытая книга, причем с хорошими иллюстрациями. Наконец, воспитание победило, и Любочка продолжила свой печальный рассказ:

– Она молча смотрела на все минут пять. Алексей Дмитриевич тем временем вытащил Пашку из-под крана, выяснил, что тот пришел, чтобы предложить мне руку и сердце, а потом выставил женишка за дверь, предупредив, что вполне может вызвать милицию, если случится еще что-нибудь подобное. И тут мамуля выступила.

Любочкины глазищи снова наполнились слезами, на сей раз от жалости к себе. Голос стал тоненьким и детским.

– Представляете, она велела мне в пятнадцать минут собрать вещи и «уматывать», – похоже, нелитературное слово в устах ее до неприличия интеллигентной мамы возмущало сестричку больше, чем сам факт изгнания из родного дома, – Алексей Дмитриевич долго уговаривал ее сменить гнев на милость, но мамуля была непреклонна. Она собрала мои вещи в сумку, взяла меня за руку, вывела на лестницу и закрыла за мной дверь. Вот такая история. Прямо мексиканский сериал, вам не кажется?

Нет, тогда я не находила никакого сходства с телепродуктами сентиментальных мексиканцев, бразильцев и прочих латиноамериканцев. Прозрение пришло потом. А в тот момент я думала о другом. Мое воображение очень красочно нарисовало все подробности этого скандала, включая избитого и окровавленного папу. Как ошпаренная я бросилась к телефону.

– Папочка, как ты?

– Ритуся, Любочка у тебя?

– Да, не беспокойся.

– Спасибо, девочка моя. Со мной все в порядке. Несколько царапин и все. Я очень беспокоился за Любочку. Леночка не должна была ее выгонять. Девочка еще такая молоденькая, может наделать глупостей без родительского присмотра. Но у Леночки свое мнение. Она счи-

тает ее достаточно взрослой, чтобы жить самостоятельно. Рита, доченька, не в службу, а в дружбу, последи за ребенком, очень тебя прошу.

– Конечно, папочка. О чем ты говоришь. До свидания.

– До свидания, деточка.

Я повесила трубку и налила себе еще чаю. Любочка, тем временем, с интересом разглядывала домишко напротив. Вернее не сам домик, а соседа, который колот дрова во дворе.

– Кто там живет?

– Семейная пара. Это Володя, муж. Он коренной матрешкинец, работает слесарем в местном автосервисе. Его жену зовут Наташа, она продавщица на Северном рынке.

– Сколько ему лет?

– Чуть старше меня.

– Надо же, такой старый! А по виду не скажешь.

С этими словами Любочка поднялась из-за стола и ушла наверх в свою комнату.

Нет, она не хотела меня обидеть. Просто люди моего поколения казались ей седой стариной, и не только из-за разницы в годах. Мне кажется, дело в том, что мы росли в разных мирах. Я при социализме, а Любочка при диком капитализме. В результате мы говорим на разных языках, думаем по-разному, чувствуем по-разному, и идеалы и моральные ценности у нас тоже абсолютно разные. Такая разница при обычном течении событий бывает между дедами и внуками, а у нас получилась при временном разрыве всего в десять лет. Кто из молодежи сейчас знает, кем был дедушка Ленин, и что такое соцсоревнование или демократический централизм? Другая жизнь, другие проблемы.

Порассуждав таким образом, я решила не заикливаться на Любочкиных инсинуациях. В конце концов, как сказал папа, она еще совершенный ребенок, какой с нее спрос...

Нет, все равно обидно, когда юная нахалка считает тебя старой перечницей. Я-то свои тридцать с небольшим старостью, и даже, пожалуй, зрелостью, не считаю. Скорее поздней молодостью. И привлекательности для мужчин (даже весьма молодых) я еще не потеряла. В конце концов, никто не заставляет моих ухажеров звонить мне и приглашать на свидания. Одному из них, например, всего двадцать шесть, он знает, что мне немного больше, но это его не останавливает...

Все, достаточно заниматься самоедством. Бальзаковский возраст бывает у всех, такова жизнь. У Любочки он тоже будет, надеюсь, я это увижу, и вот тогда... Хорошо смеется тот, кто смеется последним.

Глава 2. Володя + Наташа

Воскресенье прошло спокойно. Любочка отсыпалась, я приводила в порядок свой садик. Выгребла старые сухие листья, обрезала малину. Вообще, если вести садоводство по правилам, то кусты малины надо подрезать осенью, но у меня рука не поднимается. Да, я знаю, эти прутики уже свое отжили, но пока их не занесло снегом и не заморозило, они еще живые. Если их надрезать, то по их зеленоватой шкурке потечет сок, они будут гнуться, колотиться и сопротивляться моим вивисекторским намерениям. А весной они стоят сухие и мертвые, и я со спокойной душой вырезаю их, сваливаю в кучу вместе с листьями, поджигаю и с удовольствием смотрю, как огонь быстро и ловко уничтожает всю эту мертвечину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.